

АЗЕР ЭФЕНДИ

УМ – ИЗВЕСТНО, НЕ ВОДИЦА – ОН И В КАМЕНЬ ПРОСОЧИТСЯ!..

(По мотивам сказки «По щучьему веленью»)

Глава I

Не давно и не теперь,
Не далёко и не близко,
А за тридевять земель,
Где-то в стороне российской,
На окраине села,
Где крапивушка цвела,
В лопухах виднелась хата.
Жили-были в ней три брата.
Старший – умный, средний – так...
Да Емелюшка-дурак.
Жили братья небогато,
Не водилось у них злато,
Но трудились в поте лиц:
И косили, и пахали,
И ловили в сети птиц.
Лишь Емеля обленился,
Уж совсем от рук отбился,
Под берёзкою в тени
Лузгал семечки все дни.
Говорили ему братья:
«Отдыхать, Емеля, хватит,
Слышь, за голову возьмишь,
Да маленько потрудись!»
Но Емеля им в ответ:
«До меня вам дела нет!
Что пристали к малышу?!
Я с работой не спешу!
Ну, а вы на то и старше,
Чтоб работать шибче, жарше...»
Что тут делать, как тут быть?!
Чем Емелю излечить?!
Братья думали, рядили...
В путь-дорогу снарядились
В стольный град за чудо-зельем,
Что врачует от безделья.
А Емеле на прощанье
Привезти пообещали,
Если будет молодцом,
Разноцветных леденцов.
Утром рано, помолившись,
Низко дому поклонившись,

Братья сели на коней:
«Эх! Залётные, скорей!..»
В небо пыль столбом взметнулась,
Солнышко, чихнув, проснулось!
Зашептало: «С добрым утром...»
И на облаке раздутом
Устремилось братьям вслед,
Охраняя их от бед.
Кони мчались, с ветром споря,
По зелёному простору
Ровно скошенных лугов,
Мимо зреющих хлебов
В золотом жужжании пчёлочек...
И хоть путь был длинен, долог,
Жеребцы скакали так,
Что он к вечеру иссяк.
Вот и город показался.
Тихий звон в нём раздавался –
Это ночь в колоколах
О волшебных пела снах.
Братья за день так устали,
Что в ворота бить не стали.
И под стенами во рву
Улеглись спать в траву.

Глава II

«Ку-ка-ре... Ку-ка-ре-ку !
Кто там дрыхнет на боку?!
Кто храпит там на спине,
Пузом двигая во сне?!
Кто там спит в траве ничком?!
Просыпайтесь! Подымайтесь!
Вместе с красным солнышком!»
Сорок тысяч петухов
Так галдели – будь здоров! –
Что проснулись все, и даже,
У ворот – ночная стража
С табуретов поднялась,
И, зевая и крестясь,
С алебардами под мышкой
Неохотно поплелась
Открывать замки, задвижки...
Распахнулись ворота!..
В город хлынула орда
Нищих, калик да крестьян,
Да купцов из дальних стран,
Докторов и чародеев,
Акробатов, ротозеев...
Отовсюду всякий люд,
А с лугов стада текут:

Козы белою рекою,
Овцы золотой волною,
И плывёт по той реке
Ладный парень на быке.
«Фу ты, чёртово отродье!..»
Ропот слышится в народе.
«Тише, дядя, не спеши,
Чёрным словом не греси.
Бык, не любит он сквернот,
Живо рогом сковырнёт!..»
«Хи-хи-хи, ха-ха-ха,
Береги потроха!..
Ха-ха-ха, хе-хе-хе!..»
Раздаётся вдалеке.
Шуму, смеху кутерьма
Ломит стены... Терема
Кажным брёвнышком дрожат
Так, что барышни визжат!..
Колокольня покачнулась,
Стайка голубей взметнулась,
Звон поплыл шарами апельсиновый,
Золотистый, серебристый, звон малиновый...
Плыл да плыл, да рассыпался искрами,
Леденцами, бубенцами да ирисками!..
А толпа бурлит, клокочет,
В узких улицах рокочет...
Не толпа – а водопад!
В площадной торговый ряд
Рвётся – эх, застряла лошадь!
«Да пихай её, пихай!..
Ну, ещё, ещё наддай...
Раз – хорош!» Ну, вот и площадь...
Братья дух перевели,
И руками развели,
Город братьев ошарашил:
«Не житьё – толчёна каша!
Ну, народ – и стар, и млад –
Норовит пихнуть под зад!»
Вдруг окликнул их малец –
Босоногий оголец:
«Вы не стойте здесь, дядьи,
Как пустые две бадьи!..
Пейте брагу, пейте квас –
Нынче ярмонка у нас!..
Если кинете копейку,
Я коней возьму в опеку,
Сколько будете здесь жить,
Столько буду сторожить!..»
Братья дали ему две,
Чтоб водил коней к воде.
Ну, а сами налегке
Сели крепко в кабаке.

Глава III

В то же время по-над бережком
Сладко спал ещё Емелюшка.
Спал на гладком он на камушке,
Свесив лапти в Волгу-матушку.
Лапти в речке примелькались,
Стаи рыб вокруг них метались.
Лапти, право, аппетитные,
Как две булочки – две ситные.
Щука ими соблазнилась,
Острым зубом в лапти впилая!
Цап! Емелюшка за пяточку...
Вскрикнул он... и, легче бабочки,
Вдруг вспорхнул и дёрнул ножкою,
И на берег щуку волжскую
Вместе с лаптем так и выплеснул!
Сам из жизни чуть не выскользнул –
Боли-страху натерпевшись,
В землю по уши втеревшись.
«Ах ты, щука-ить, щуковина, –
Говорит Емеля скованно, –
Хочь породы не простой ты,
А с короной золотой ты,
Да пужать народ зазря
Негоднó, никак нельзя!»
Отвечает ему щука:
«Вот спасибо за науку.
Ты, Емеля, успокойся,
В речке ласковой умойся,
А меня добром прости,
Снова в заводь выпусти...»
«Ну! Чуднáя ты рыбёшка!
Пораскинь умом немножко,
Да возьми себе ты в толк:
Я голодный, аки волк,
А и то не шелохну
Даже пальцем, чтоб уху
С перцем, с жёлтенькой морковкой
Из тебя сварить, плутовка!
А ты: в заводь... как же – жди...
Четверговые дожди!»
«Эх, Емелюшка, Емеля, –
Щука молвит еле-еле, –
Тяжко мне, голубчик, кинь
Ты меня в речную синь.
За твои труды-старанья
Три любых твоих желанья
Я исполню». «А не брешешь?!
Аль и впрямь меня потешишь? –
Сомневается Емеля, –
Вот задача в самом деле...

Чтобы не было промашки
Погадаю на ромашке:
Да-нет, да-нет, да-нет... Да!..
Ладно... Вот тебе вода!..
Щуку взял за хвостик склизкий
И швырнул... сверкнули брызги!
И вдогонку ей кричит:
«У меня живот урчит!
Дай мне пить, и есть мне дай!
Обещала?!. Выполняй!..
Ай!..
» – и замер бука букой...
Рот ему заткнуло булкой!
А за нею щи да каша,
Браги пенистая чаша,
Яблочки мочёные,
Пироги печёные –
С вишеньем, с капусткою,
С прибауткой русской:
«Инда некогда зевать,
Успевай проглатывать!»
И Емеля не зевал,
Пузо туго набивал,
Так, что стал он вдвое больше,
Вдвое выше, вдвое толще.
Кулаки – как пара гири!..
Словом, парень-богатырь!
А наелся и напился –
Вновь на щуку напустился:
«Ишь, кормилица нашлась,
Уморить меня взялась!
До макушки полон щей!
Каша лезет из ушей...
Это, может, и неплохо,
Но помилуй, ради бога!
Кто же кормит эдак-тки,
Чтобы лопались портки,
И рубаха – в клочья тоже!
Хорошо цела хоть кожа!»
Только он успел сказать –
Г Л Я Д Ъ...
Одет, обут, украшен,
И расчёсан, и приглажен!
И с лица, и со спины –
Ну, красавец писаный!
«Что, Емелюшка, доволен?
Ты ещё, голубчик, волен
Пожелать чего-нибудь.
Только помни, не забудь:
Это третий раз, последний!
Посему в свой лобик медный
Ручкой белой постучись,
Мыслью редкой отзовись –

И, поверь, не будет лишку,
Коль попросишь ты умишко...»
Поучала его щука.
Но Емеля, крепка-штука,
Рассердился невзначай,
Мол: «Не маленький я, чай,
Я и сам, поди, всё знаю:
Что хочу, чего желаю!
Что мне ум?! Им сыт не будешь!
Только голову погубишь:
Думать будет да болеть,
Мыслью разной тяжелеть,
А набрякнет и набухнет –
С плеч сорвётся, нәземь рухнет...
Нет, совет подать умелый –
Не твоё, не щучье дело!
Я уж сам уж как-нибудь...
 Попрошу, а ты добудь!
Значит так: я раз – наелся,
Два – красиво приоделся,
Ну, а три... что ж будет три?..
Вот оказия, смотри!
Раз – наелся,
Два – оделся...
Раз – наелся, ну, а три...
ТЬфу!..» «Емеля, не дури!» –
Щука вновь ему глаголет,
«Подчинись моей ты воле.
Дам тебе, не наобум,
Ум не тяжкий, лёгкий ум...»
«А!.. что хочешь – то и делай,
Болтовня мне надоела», –
Пробурчал Емеля вдруг,
«Спать хочу, мне недосуг...»
И зевнул, и потянулся,
И на травке растянулся...
Дураком, как есть, заснул,
Спал и в ус себе не дул.
И не знал, что лишь проснётся,
Поумнеть ему придётся,
И лентяйское житьё
Канет вдруг в небытиё!

Глава IV

Но пора вернуться к братьям.
Хватит пить и хватит спать им.
И кабатчик так решил:
Братьев он растормошил,
Под столом в обнимку спящих,
Винным выдохом смердящих.

За брады их оттаскал
Незлобливо и сказал:
«...Ишь, навозные жуки...
Будя дрыхнуть, мужики!
День уже блистает новый,
Как начищенный целковый,
Не проснётесь на беду –
По шеям вам накладу!»
Братья вняли уговору:
Встали тяжко, но без спору,
Выдули рассолу крынку –
И вперёд, навстречу рынку...
Солнце брызнуло в глаза,
Вспыхнул красками базар:
Шали, ленты, сарафаны,
Щёки девичьи румяны,
Ленты алы, ленты сини
В волосах цветут красиво...
Как на грех порожний воз
Пыль поднял из-под колёс
И грохочет, и грохочет...
Гуси вслед ему гогочут,
Чу! Прорезался рожок –
Конопатый мужичок
Так дудит, что, будто пыль с лица,
Конопушки осыпаются...
С ним медведюшко бредёт, пританцовывая, –
Пасть разинута клыкастая, пунцовая!
А коза-козища,
Вытаращиглазища,
Вслед за ними, аки жинка, семенит,
Колокольчик на рогах её звенит!..
Тут мужик достаёт из порток
Красный в мелкую горошину платок.
Он потряхнул платочком раз – все горошины
Вдруг осыпались, народ огорошили:
Раскатился по базару горох,
Из горошины из каждой – скоморох!
Набралось их до ста – парни рыжие!
Кривоногие, весёлые, бесстыжие.
Мужиков за полы,
Баб за подолы
Дёргают, смеются,
В руки не даются.
Голосят во всю: «Эх, яблочко!..
Пляшут с присвистом в присядочку!
Пляшут эдак, что земля – вверх дном,
Закачалась, заходила ходуном!
Замелькали мухи, осы,
Помидоры, абрикосы,
Астраханские арбузы,
Самовары-карапузы,

Бочка с квашеной капустой –
Чтоб ей трижды было пусто! –
Зацепила еле-еле
Братьев мутных после хмеля,
И хорош! Как две полушки,
Покатились друг за дружкой
Братишки-касатики
По камням, а где по травке...
И вкатились в чью-то лавку...
В лавке той старик седой,
Темнолицый и худой
На ковре златом сидит,
Весь он змеями обвит!
Взгляд кипит его орлиный...
Братья в страхе ломают спины,
Лбами об пол бьют усердно,
Лбам – ничто, а полу – вредно...
Видя это, рёк старик:
«Я – великий маг Садык!»
Дунул: «Чуф!» и дёрнул ус.
«Заходи ко мне, урус.
Заходи, салам алейкум,
Я магрибский лучший лекарь,
Предсказатель я и джинн!
Сулеймана сотый сын,
Я такой – я всё могу!..»
«Не останемся в долгу!» –
Братья радостно вскричали
И поведать о печали
Собрались, но старец оный
Бормотал, как заведённый:
«Я могу обрушить небо,
Солнце съесть совсем без хлеба,
Вырвать, выцарапать глаз –
В перстень вставить, как алмаз!
Я могу день спрятать в ночь,
Землю в крошки растолочь!
Кто сильнее моих чар-р-р?!
А?! Гяур!..» – и зарычал,
И завыл, и распалился,
Покраснел, и задымился...
Змеи взвились, зашипели,
Заструились, заблестели,
Жала острые, как вилы,
Продырявят стёгна, жилы –
Миг ещё!.. Но братья вдруг
(Так велик был их испуг)
Прыг в окошко, словно кошки,
Скок – чрез рынок, чрез забор –
И попадали во двор,
Где устроил свой гамак
Доктор герр фон Гуттен-Так.

«Што такое? Што случился?»
Немец чинно возмутился.
«Люди с неба упадают!..
Нет! Порядок здесь не снают!
О, майн гот, какой квардак!..
Бедный, бедный Гуттен-Так...»
Братья в ноги ему пали:
«Мы-де случаем попали,
Мы бегли от чёрна врана,
Кровопийца-басурмана.
Не гневись на нас, немчина,
Это прошлое, но ино
Дело есть к тебе у нас,
Помоги нам в добрый час».
И как есть, как разумели,
Рассказали о Емеле.
Им внимая, Гуттен-Так
Бормотал: «Тек-тек, так-так...»
А потом всплеснул руками,
Вскрикнул, топя ногами:
«Ах, некотник! Ах, беспошник!
Бес работа как ше мошно?!
Рвать такому голова!
Чем бесдельником шивёт,
Да растит себе шивот!
Бес работа как ше мошно?!
Ах, бесдельник, ах, беспошник...»
Но помочь ничем не смог.
Да... печален был итог.
И тогда решили братцы
Чашу до конца испить,
Поутру к царю пробраться,
У него совет спросить.

Глава V

Провалившись день-деньской
Под кустом – доска доской –
У реки, реки студёной,
Вдруг чихнул Емеля сонный,
Очи нехотя открыл...
И тотчас, как пара крыл,
Распахнулся ум в зеницах!
Встал Емелюшка, умыться
Перво-наперво пошёл –
Холодна, свежа водица,
А ему как раз годится –
Знай, бормочет: «Хорош-шо!»
«Чудо! Чудо! Благодать!
Нынь Емелю не узнать.
Диво дивное, ей-ей!»
Пискнул крошка-муравей.

Пискнул так, что солнце-лакомка
Целиком в малинник кануло.
А в малиннике колючки –
Зацепились солнца лучики,
И не может красно солнышко
Закатиться спать на доньшко
Моря синего, глубокого,
Моря ласково-широкого,
Моря, дышащего негой
На краю земли и неба.
«Ах ты, горе моё, горюшко!»
Причитает красно солнышко.
«Как же мне уйти, убечь,
Чтобы землю зря не жечь?!»
Услыхал Емеля пени.
Тут же, легче своей тени,
Припустился на откос,
Где малинник буйно рос.
Куст густой, колючий зело,
Но Емелюшка за дело
Взялся весело... и вот!
Солнце по небу плывёт.
И оттуда, с высоты,
Говорит: «Емеля, ты
Дело доброе свершил,
Делом дружбу заслужил.
Я сам-друг тебе отныне,
В горе лёгкий на помине,
И ещё запомни двух:
То – подсолнух и петух!
Как нужны тебе они,
Ты тихонечко шепни:
«Я друг солнца, солнца дружки,
Так поможем же друг дружке!»
И ни в чём, ничуть, ни разу
Не получишь ты отказу».
Так-то солнышко сказало,
И о край земли запало...
Потемнело всё вокруг,
Птицы смолкли сразу вдруг.
И вода в реке черней
Стаи чёрных лебедей,
Ночи вестников крылатых.
А над купами косматых
Завороженных деревьев,
Чуть макушечки задев,
Выплывала луна, лебедь белая,
Тихо, мирно, как песнь колыбельная.
Но Емеле не до сна,
Голова его ясна.
Он кумекает, видать,
Как бы братцев повидать,

Поскорее удивить да порадовать.
Но легко сказать: скорей!
А как нету лошадей?
Нету, право, никаких:
Ни проворных, ни хромых.
А пешком идти – далёко!
И дойдёшь – так позже срока:
Ярмарка разъедется...
Как же братцам встретиться?!
А?.. – Вот, тò-то и оно!
Но известно уж давно:
Под лежачим камнем – точно –
Не бежать воде проточной.
Вспомнил эту умь Емеля,
И пустился в путь немедля.
Прошагал вёрст десять с гаком
По оврагам, буеракам,
Напрямки всё, напрямки,
Вдоль сребрящейся реки.
И как только к тракту вышел,
Скрип колёсный вдруг услышал.
Ближе, ближе свист бичей,
Храп гривастых лихачей,
И!.. гремящим драндулетом
Пронеслась в пыли карета.
Так из странствий дальних, долгих
Возвратясь, купец Иголкин
Не щадил последних сил –
В срок на ярмарку спешил,
А за ним и весь обоз,
Растянувшись нà семь вёрст.
«По пути!» – смекнул Емеля,
Тело ловкое нацеля,
И с обочины дороги
В громыхающие дроги
Незаметно сиганул,
В короб влез и в нём уснул...

Глава VI

Только утречко забрезжило,
Шум на рынке пуще прежнего.
И в волнах многоголосицы
По столице весть разносится:
Будто в полдень или зà полдень
Женихов заморских зàпрудень
Хлынет в терем царский свататься,
Удальством и славой хвастаться,
Потому как, сладко зёрнышко,
Дочка царская Алёнушка,
Из красавиц красавица,
Всем без счёту больно нравится.

Эту молвь услышав, братцы
Стали спешно собираться.
И ко терему, ко царскому,
По проулочку татарскому,
Там, где Чёрные Клобѹки
В ряд стоят, щетиня луки,
Пробрались целы-целѹхонки,
И цена-то вся – целковенький!
А у красного крыльца
Рынде дали три яйца –
Три яичка крашенных,
Рында и уважил их.
Сам повёл в хоромы царские,
Расписные, златоярские,
Где потренькивают гусельки,
Рассыпая звуки-бусинки...
А за тѹсовым столом
В ризах, шитых серебром,
Жемчугами, бирюзой,
Царь Бобок сидел босой,
Резвы ножки утром нежа
На меху беломедвежьем.
Он сидел себе, пил чай,
Взял ватрушку невзначай,
Откусил – и тут же пушки
В честь отведенной ватрушки
Со стены дворцовой ухнули...
Братья навзничь так и рухнули.
Повалились оба два,
Как пожухлая ботва,
Лишь глаза в испуге пучат
Да ногами воздух сучат –
Так, что царь Бобок и присные,
Животы спасая, прыснули
Смехом звонким, переливчатым,
Басовитым да рассыпчатым.
А как только смех утишился,
Царский голос вдруг услышался:
«Эй! Нечѹсанные лешие!
Знатно вы меня потешили...
И не будь я царь Бобок!
Не уйти вам за порог,
За дворцовые воротца
Без награды: что вам хотца?
Что душе угодно, любо –
Всѹ проси, не дрейфь, голѹба!»
Осмелели братцы крохоньку,
Приподнялись потихохоньку,
На колена становились,
Трижды земно поклонились,
И как есть, как разумели,
Рассказали о Емеле,

Призывая им помочь
Делом аль советом хочь!..
Царь на выдумки был дока,
Ну, а тут замолк надолго:
Думал, думал – всё пустое!
Не давалось ему тѡе.
За умом взаймы послал,
Повелел привести осла,
Не простого – вещеого! –
Тѣщею завещанного...
А пока вели советчика,
Аккурат приспело времечко,
И кажись, никак сам ветер принѣс
К златотерему купеческий обоз.
А вернувшись уж домой, во столицу-то,
Ну какой такой купец поскупится-то!
А купец Иголкин вовсе тароватый был:
Всем и каждому гостинцы, как дрова, дарил,
А уж батюшке царю свѣз и горю бы,
Да и то – послал с возу по коробу.
А один – красным шѣлком обитый весь –
Приказал молодцам во светѣлку снести,
Во светѣлку царевне Алѣнушке
Мятных пряничков с тульской сторонушки.
Дух медовый разлился по терему –
Быть сердечку чьему-то потеряну...

Глава VII

Вот царевна-горлинка,
Чуть вошла во горенку,
Чует сладкоежка
Прянички с орешком!..
Ах ты! Ох ты! Лакомство!
И открыла запросто
Короб... и немедля
Из него Емеля
Нà пол-то как грянет! –
Вот тебе и пряник!
Растерялись... Подивились...
Рассмеялись... Полюбились...
Полюбились друг дружке Алѣнушка
И Емеля, крестьянский детѣнышко,
И пошли рука об руку ладушки
Рассказать обо всѣм царю-батюшке...
Осерчал государь, топнул ножкою,
По столу хлопнул чайною ложкою!
«Это что?! – говорит, – курам нà смех?!
Женихи сволоклись сюды нàспех!
Пусть, как все, службу царскую справит!
А тады уж и свадьбою правит...

Женихи собрались на ристалище,
Пусть и он потревожит седалище!»
Тут вступились за младшего брата:
«Без коня как ему воевать-то?!»
Царь и молвил: «А вот вещей ослик мой,
Для Емели скакун самый резвый той...
(Мне, царю, чую, будет потеха,
Да не лопнуло б брюхо от смеха!..)
Ну, дерзай, Аника-воин,
Докажи, чего достоин!»
На подворье глашатай уж кличет,
Бьёт в тумбан, колотушкою тычет!
Прибегает народ – уж народу тьма!
И пошла веселынь – ажно кутерьма!
А царевичи – в ряды.
Кони росли и гнеды,
Воронье, бурые,
Чубарые, каурые...
Приуныл Емелюшка
Взоры так и мечет...
«Не кручинься, детюшка»,
Ослик тихо шепчет,
«Ай, бегим в конюшню...
Дай-ка мне понюшку
Табачку понюхать –
Почихать, поухать!»
А как начал ослёнок чихать,
А как начал коней волновать,
Все ряды верховых искривились,
Кони в кучу безумную сбились...
«Ну, Емеля, теперь не зевай,
На подмогу друзей созывай!»
«Я – друг Солнца! Солнца дружки!
Так поможем же друг дружке!», –
Только вымолвил Емеля,
Как в руке своей немедля
Он подсолнух ощутил,
А макушку парой крыл
Петушок ему прикрыл.
«А теперь, – ослёнок рёк,
– Кинь мне на спину платок,
Без седла прилипнешь-де,
Ажно блин к сковороде!»
Ух как! выскочил из стойла,
Только сесть Емеле стоило,
И в подворье – во всю прыть,
Да копытом землю рыть!
Красно Солнышко из туч
Протянуло ярый луч:
Взял Емеля чудо-меч
И давай подпруги сечь!
Ослик шастает под брюхом

У гривастых скакунов,
Между ног летучим пухом
Прошмыгнёт – и был таков!
А петух, как шпорой, клювом
Их язвил – и слал аллюром
Слома голову лететь!
Кто ж тут сможет усидеть?!
Принцы падали, как груши,
Хорошо, хоть живы души!
Но прийти в себя не смели,
То бишь, просто не успели:
Как погнал их чёрный рой,
Навалясь, гора-горой!..
Под забрала, да под поножи,
Добрались до нежной кожи –
Жалят, колются и жгут,
Ни секундошки не ждут...
Что же это за напасть?!
Кабы принцам не пропасть!..
А подсолнышек, стебаясь
И нисколько не таясь,
Прокричал:
«Не принцы – ветошь!
Напугались, а это ж –
Держитесь за скамеечки!.. –
Жареные семечки!»...
Ну, а принцы – по лесам, без оглядки!..
Да... недолго сверкали их пятки!
А народ Емелю славит,
Под уздцы ослёнком правит,
И у красного крыльца
Царь встречает молодца!
Царь Бобок как тут ни злился,
С волей случая смирился,
Дочь Алёнушку вручил,
И полцарства подарил!
Пир затеял на три дни
Для народа и родни.
А Емелюшка-Емеля
Вещего осла немедля
В полуцарствии своём
Приказал прозвать конём
И назначил дьяком думным,
Потому как шибко умным
И не шельмой ослик был,
Казнокрадов приструнил!
(Ну, ослу-то много ль надо?! –
Сноп овса ему награда!)
Вот и зажили все честно,
Словно в царствии небесном...
Ум – известно, не водица –
Он и в камень просочится!..